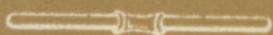

8Р-1(092)
В-81

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 23

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

8P1/092
ВР 81

ВРЕМЕННИК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ

Выпуск 23

СВОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Q. 158564

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение

1989

СРЕДНЕУРальская областная
библиотека им. М. Крупской

При сопоставлении пушкинского текста с приведенной эпиграммой обращают на себя внимание общность темы, сходная диалогическая форма изложения, близкие по тону краткие характеристики. Однако взяв за образец эпиграмму Масона де Морвилье, Пушкин дает свой вариант: в быстром диалоге представлена не одна невеста, а ярмарка невест; не одной, а всем им даются острые негативные оценки; и все они, в отличие от французского источника, в конечном счете отвергаются разборчивым женихом. В краткую эпиграмматическую форму Пушкин мастерски вмещает картинку русского быта, сохранив при этом эпиграмматическую основу избранного образца.

Текст эпиграммы Масона де Морвилье Пушкин мог знать во французском оригинале, но мог познакомиться с ним и с помощью перевода Б. М. Федорова, который был напечатан в «Невском альманахе на 1827 год». Как известно, Пушкин был и читателем, и автором «Невского альманаха». В «Невском альманахе на 1827 год», о котором идет речь, были помещены гравюры С. Галактионова (иллюстрации к «Бахчисарайскому фонтану»), «Нравоучительные четверостишия» Языкова, в создании которых принимал участие Пушкин, — это делает знакомство Пушкина с текстом Б. М. Федорова тем более вероятным. Но независимо от того, в оригинале или в переводе Б. М. Федорова прочел Пушкин эпиграмму французского поэта, нам представляется возможным на основании вышеизложенного включить Масона де Морвилье в число авторов, чьи сочинения так или иначе нашли отражение в творчестве Пушкина.

Н. И. Михайлова

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Созданию «Истории Пугачева», как известно, предшествовала большая исследовательская работа А. С. Пушкина над документальными и фольклорными источниками. Ее этапы, содержание и результаты изучались в отечественном литературоведении и историографии достаточно подробно.¹

После выхода в свет (1834 г.) «Истории Пугачевского бунта»² Пушкин продолжал архивные изыскания по «пугачевской» теме. Это было вызвано неполнотой того комплекса документов, хранившихся в государственных архивах, к которому поэт смог получить доступ в 1833—1834 гг.

В октябре 1835 г. Пушкин получил из Московского главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) восемь пакетов документов

¹ См.: Грот Я. Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов // Русский вестник. 1862. Т. 42. № 12; Блок Г. Пушкин в работе над историческими источниками. М.; Л., 1949; Измайлов Н. В. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 438—454; Чхеидзе А. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963; Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»). Л., 1969.

² Название пушкинского труда было изменено августейшим цензором поэта Николаем I.

так называемого пугачевского портфеля Г.-Ф. Миллера, известного историографа и архивного деятеля XVIII в. В них находились любопытные документальные и мемуарные источники о восстании Пугачева. Остановим свое внимание на последних.

Специфика мемуаров как жанра очевидна. Они проникнуты индивидуальным взглядом автора на описываемые события, содержат эмоциональный пласт восприятия происходившего, выявляют такие подробности и нюансы, которые не могут быть переданы документами официального делопроизводства. Мемуарные сочинения позволяют исследователю помимо расширения фактической, содержательной стороны изучаемого процесса углубить психологический и бытовой фон событий прошлого. В этом плане мемуары несомненно представляли интерес для Пушкина не только как историка, но и как писателя.

Особенности происхождения и содержания мемуаров обусловливают и особый подход к их изучению. Существенно важным для анализа достоверности содержащихся в них сведений и понимания идеиной направленности авторской позиции становится изучение мемуариста как личности (его социального положения, характера и образа жизни, биографических данных и т. д.). Это в свою очередь позволяет уяснить место, занимаемое автором мемуаров в кругу описываемых им событий, степень и полноту его осведомленности.

Между тем до настоящего времени мемуарные свидетельства о восстании Пугачева, которые были известны А. С. Пушкину, изучены с указанных выше позиций не в равной степени. Если наиболее обстоятельному сочинению П. И. Рычкова «Описание шестимесячной Оренбургской осады» («Летопись») посвящен ряд специальных работ, исследующих и содержание труда, и личность мемуариста,³ то в отношении двух других сочинений, повествующих об аналогичных событиях, картина совсем иная. Речь идет о «Дневной записке о самозванце и разбойнике Емельяне Пугачеве, веденной города Оренбурга церкви Благовещенской, что на Гостином дворе, священником Иваном Осиповым» и «Известии о самозванце Пугачеве», сочиненном священником Троицкой церкви г. Оренбурга Иваном Полянским. Оба мемуариста пережили шестимесячную осаду города от войск Е. И. Пугачева в октябре 1773—марте 1774 г.

Под такими пространными заглавиями эти воспоминания значились в описи дел, доставленных А. С. Пушкину, как уже было сказано, в октябре 1835 г. в числе документов «пугачевского» портфеля Миллера.⁴ Они

³ Пекарский П. П. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова: Сб. статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. 1867. Т. 2. № 1; Кулабко Е. С., Чернышов А. М. Первый член-корреспондент Академии наук // Вестник АН СССР. 1962. № 10; Майорова А. С. «Описание шестимесячной Оренбургской осады» П. И. Рычкова — первый исторический труд о событиях Крестьянской войны 1773—1775 гг. // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12; Светенко А. С. «Летопись» П. И. Рычкова как источник «Истории Пугачева» // XXVII Пушкинская конференция: Тез. докл. Оренбург, 1983.

⁴ Тетради № 1 и 3 указанной описи. В настоящее время они хранятся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) СССР (ф. 6, соответственно д. 435, ч. 2 и д. 525).

вызывали особый интерес исследователя. По просьбе А. С. Пушкина с указанных сочинений были сняты полные писарские копии, пополнившие его «архивные» тетради. Эти копии были для краткости озаглавлены «Записками», что вполне точно отражает их видовую принадлежность.⁵ По этим копиям воспоминания были опубликованы в девятом томе (ч. 2) Большого академического издания сочинений Пушкина в качестве приложений к тексту «Истории Пугачева» (составитель тома В. Л. Комарович). После этой публикации, которая позволяет рассматривать «Записки» И. Осипова и И. Полянского как самостоятельные источники, последние так и не стали предметом специального исследования.

На наш взгляд, это объясняется рядом причин. Во-первых, содержание воспоминаний И. Осипова и И. Полянского почти полностью поглощается информацией, сообщаемой П. И. Рычковым в своей «Летописи». Во-вторых, работа А. С. Пушкина над вторым изданием «Истории Пугачева», где он мог бы использовать в числе прочих новых материалов и «Записки» И. Осипова и И. Полянского, осталась незавершенной. И, наконец, сыграло свою роль отсутствие дополнительных сведений о самих Осипове и Полянском, которые ни в событиях большого общественного звучания, ни на литературном поприще более ничем себя не проявили.

Тем не менее введение в научный оборот новых биографических данных о мемуаристах представляется уместным не только в русле источниковедческого освоения истории пугачевского восстания, но и в контексте изучения творчества А. С. Пушкина, по праву считающегося первым историографом Крестьянской войны 1773—1775 гг.

Неоднократные упоминания об И. Осипове и И. Полянском встречаются в официальной переписке и другой документации, связанной с деятельностью церковных учреждений Оренбурга. Все эти материалы хранятся в фонде «Канцелярии Оренбургского духовного управления» (№ 172) Государственного архива Оренбургской области (ГАОО).⁶

Сведений об Иване Осипове⁷ в материалах этого фонда содержится гораздо больше, чем о Полянском. Из них вырисовывается любопытный и несколько неожиданный облик мемуариста. Осипов предстает здесь человеком необузданного и неуживчивого права, участником многочисленных ссор, скандалов и судебных разбирательств, виной чему в немалой степени было его пристрастие к спиртному. Заметим сразу, что тип священника-«хулигана» был не столь уж редок для представителей духовенства второй половины XVIII в. Н. Ф. Дубровин, автор трехтомной монографии о восстании Пугачева,⁸ рассматривая характерные черты морального облика и образа жизни различных категорий и слоев общества России того времени, приводит многочисленные свидетельства (например из «Записок» Семена Порошина

⁵ См.: ПД, ф. 244, оп. 3, № 152, л. 1—40 об., 41—72.

⁶ За указание этих сведений автор статьи приносит благодарность оренбургскому краеведу С. А. Попову.

⁷ К сожалению, установить отчество Ивана Осипова по указанным источникам не удалось.

⁸ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: Эпизод из царствования имп. Екатерины II. СПб., 1884. Т. 1—3.

(СПб., 1881) о неблаговидных поступках (грубости, самодурстве и самоупräстве) священников самых различных духовных званий.⁹

Отчасти объяснение подобному положению дел можно найти в том, что пополнение кадров белого духовенства шло в основном не за счет людей, испытывавших особые чувства к вере, а из числа детей церковников, т. е. имело место сословное воспроизведение духовенства как социального института. Это вело, особенно на периферии, к обращению в духовный сан людей, не только не имевших к тому особого призыва, но и не получивших специального (духовного) да и светского образования.

Из числа таких «природных священнических детей» вступил в церковное звание в Татищевской крепости в 1747 г. и Иван Осипов.¹⁰ Сначала он служил в домовой церкви тогдашнего оренбургского губернатора Ивана Ивановича Неплюева, который в 1757 г. атtestовал Осипова в дьяконы к строившемуся в оренбургском форштадте Георгиевскому собору. После отъезда Неплюева в Петербург Осипов был переведен дьяконом в Троицкую церковь. Но за «малоприходством» в 1763 г. был определен священником в Нижегородский пехотный полк, расквартированный в Оренбурге. После расформирования этого полка в 1764 г. Осипов просил Оренбургское духовноеправление перевести его священником в Оренбургский драгунский полк, для чего представил ходатайства офицеров этого полка. Но правитель духовных дел протоиерей И. Дмитриев не дал на это согласия. Осипов был вынужден, минуя его, обратиться непосредственно к казанскому архиерею, за что был впервые оштрафован «двухнедельною эпитимию, исполнением поклонов во Введенском соборе».¹¹ После этого просьба Осипова была удовлетворена, и он выехал в район Тобольской и Ишимской пограничных линий, на которых располагался Оренбургский драгунский полк. Судя по отзывам Осипова, служба армейским священником была ему особенно приятна: «В «полку» будучи, считался «я» от господ командующих почтенным и довольным».¹² С бригадным командиром генерал-майором Череповым И. Осипов участвовал въездах и походах вдоль китайской границы, а в начале 1767 г. уже в должности священника Уфимского драгунского полка находился в корпусе того же Черепова «для усмирения бунтующих яицких казаков». В том же году корпус Черепова выступил в поход в Казанскую губернию «для предосторожности к прибытию е. и. в. Екатерины Алексеевны», где, по свидетельству Осипова, «графом З. Г. Чернышевым и бывшим тогда в Казане губернатором Волковым представлен <...> был с их о добром <его> поведении от рекомендованием персональности ея величества, и удостоен высочайшим ея благоволением пожалованного <...> шестисот рублей награждения».¹³ Это была вершина службы И. Осипова. В том же 1767 г. по прошению оренбургского купечества и таможенного начальства он был причислен священником сразу двух церквей: Благовещен-

⁹ См.: Там же. Т. 1. С. 358—369.

¹⁰ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 5472 (листы этого и многих других дел фонда не пронумерованы).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

ской в Гостином дворе и церкви Захария и Елизаветы в Меновном дворе, где располагалась оренбургская торговая таможня. В этих должностях Осипов встретил события 1773—1774 гг., которые нашли отражение в его «Записках».

Ко времени восстания Пугачева И. Осипову было 47 лет.¹⁴ Как видно из приведенных выше свидетельств, Осипов не только хорошо знал оренбургский край, поскольку был его уроженцем, но и как священник различных воинских частей имел представление о состоянии и возможных способах ведения ими боевых действий, а также о мятежных настроениях яицкого казачества. Это во многом объясняет подробные и обстоятельные упоминания о составе и численности правительственные войск, вступавших в боевые действия с повстанцами, отражение чисто военных аспектов, которые имеются в его «Записках» (IX, 551—578). Точны данные Осипова о населенных пунктах и крепостях, ставших местами сражения, а также хронология основных событий оренбургской осады, которые подтверждаются другими источниками (IX, 206—368).¹⁵ Нашла свое выражение и «профессиональная» принадлежность мемуариста. Особенно ярко это выражено в стилевых особенностях «Записок», изобилующих обращениями к божественному промыслу, частыми ссылками на церковный календарь и оборотами речи, свойственными церковным проповедям. Эти особенности, кстати, столь же свойственны записям И. Полянского. Освещение событий под углом зрения религиозного деятеля проявляется в «Записках» и частыми упоминаниями о бедственном состоянии церквей и церковных святынь, захваченных пугачевцами, и тем, что одной из главных причин восстания И. Осипов считал раскольничество яицких казаков, их отход от канонов официальной православной церкви. В свои «Записки» И. Осипов включил также полный текст двух увещеваний архиепископа Казанского и Свияжского Вениамина (IX, 564—567, 575—577). Они играют роль идеологического противопоставления манифестам и указам Е. И. Пугачева. По мнению Осипова, эти увещевания вселяли надежду и прибавляли силы осажденным оренбуржцам. Показательна сама концовка «Записок», в которой речь идет о плачевном состоянии церкви Захария и Елизаветы, разграбленной повстанцами. Упоминание об этой церкви становится понятным, так как Осипов был в ней священником.

Дальнейшая жизнь И. Осипова — это почти сорокалетняя цепь различных тяжб, судебных разбирательств и штрафов, в которых он фигурирует в качестве обвиняемой стороны. Во всех случаях аргументы против Осипова одни и те же: неисполнение приказов духовного начальства, несдержанность, буйство, нежелание идти на мировую. В 1775 г. с него был взыскан штраф в 5 р. за непредставление своего сына в духовную семинарию. В 1777 г. Осипов принес публичные извинения протоиерею И. Дмитриеву за поношение его чести и «написание ругательного ответа на посланный Дмитриевым приказ».¹⁶ Вспомним, что это был тот протоиерей, который препятствовал назначению Осипова на искомую им долж-

¹⁴ И. Осипов родился в 1726 г. (ГАОО, ф. 172, оп. 1, свиток 41, л. 41).

¹⁵ См. также: ЦГАДА, ф. 1100 (Канцелярия оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа), д. 1—10.

¹⁶ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4633, л. 143—152.

ность. В 1781 г. Осипову был учинен выговор за ослушность духовному правлению и неприятие посылаемых ему указов.¹⁷ В 1784 г. он отбывал двухнедельную эпитимию за «грубую подпись», отосланную им в Оренбургское духовноеправление. В следующем году «за пьянство и бесчинство» на него была наложена уже месячная эпитимия с обязательством убирать снег около собора, а по средам и пятницам «употреблять одно сухоядение», от чего Осипов настрез отказался.¹⁸ С другой стороны, — и это подтверждает противоречивость личности Осипова, — 24 августа 1786 г. указом Казанской духовной консистории ему была объявлена «пастырская благодарность» за исправное построение на средства, данные прихожанами, новой Вознесенской церкви, при которой он состоял священником с мая 1785 г.¹⁹

Но уже в 1787 г. разразилась новая тяжба. Знаменательно, что противной стороной в этом конфликте оказался не кто иной, как Иван Полянский. Оговоримся, что эта распра не имела никакого отношения к возможной неприязни, которая могла бы существовать между ними как сочинителями «Записок», посвященных одним и тем же событиям. Полянский до некоторой степени являлся антиподом Осипова. Он был на 18 лет моложе, окончил семинарию, отличался добропорядочностью. В 1787 г. Полянский стал «присутствующим» в Оренбургском духовном правлении и «благочинным», т. е. старшим священником, осуществлявшим надзор над несколькими приходами, — иными словами, непосредственным начальником И. Осипова.

В изложении И. Осипова причиной конфликта между ними было то, что «Полянский в приходы (...) входит со всякими домашними требованиями без всякой нужды для одной своей корысти самовольно, чем делает нам разорением обиду».²⁰ Свой протест Осипов выразил в присущей ему экстравагантной форме. Он публично пообещал Полянскому волосы «ободрать и лоб на затылке сделать».²¹ Церковные инстанции, в которых уже сложилось негативное мнение об Осипове, решили конфликт в пользу Полянского. Осипов был оштрафован на 10 р. и отрешен от служения в церкви и от прихода до публичного извинения перед Полянским.²²

В 1789 г. Осипов обратился в Казанскую духовную консисторию с проектом организации в Оренбурге воспитательного дома, «ибо весьма немало бывает нещастно рожденных младенцев, кои от матерей своих повсегдаются бывают в разные места, отчего передко лишаются жизни (...) а некоторые хотя и живы остаются и на вскормление берутся, но *должного хранения и призрения не имеют*».²³ Осипов предлагал «для опыта родильниц и младенцев построить дом на рынке (...) где собирается всегда немалое число народа, от коего может быть даяние. Состоящие за Уралом рекою луга, остающиеся без отдачи, отдать в оброк (с выплатой воспитательному дому); ленивым бродягам собирать милостыню запре-

¹⁷ Там же, д. 5986.

¹⁸ Там же, д. 5198.

¹⁹ Там же, д. 5291.

²⁰ Там же, д. 5568.

²¹ Там же, д. 5450.

²² Там же, д. 5568.

²³ Там же, д. 5705.

тить же. Собираемые с неисповедников штрафы употреблять на воспитание оных младенцев...».²⁴ Эта инициатива Осипова наглядно показывает, что при всех своих слабостях и недостатках он был человеком, который не мог спокойно видеть вопиющие неустройства своего времени. В ответе же казанского архиерея ему было недвусмысленно заявлено, чтобы «он лучше молился богу, а не лез в гражданские дела».²⁵ Кроме того, за обращение в вышестоящие инстанции, минуя непосредственное начальство, на Осипова был наложен еще один штраф в 10 р.

В последующие годы Осипов был неоднократно штрафован за публичные оскорблении офицеров, купцов и других жителей Оренбурга. Но несмотря на подобные рецидивы, духовного сана он лишен не был. Более того, когда в ноябре 1798 г. семидесятидвухлетний Осипов, будучи священником Крестовоздвиженской церкви, «просил оувольнении его за старостию и болезнею от должности», консистория определила его к медицинскому освидетельствованию и по заключению врачебной управы решило, что «он от той болезни освободиться может».²⁶ Последнее упоминание об Иване Осипове обнаружено в ревизской сказке от декабря 1815 г. по одноприходной церкви Вознесения Христа Спасителя г. Оренбурга: «К сей сказке (...) протопоп Иван Осипов руку приложил».²⁷ В тот год Осипову исполнилось 89 лет.

Совсем иного характера упоминания об Иване Степановиче Полянском (1744—1795). Четырнадцать лет от роду он был взят в Казанскую семинарию и «по выслушании богословия в 1770-м году из оной уволен». В Оренбург же (по собственному свидетельству Полянского) он прибыл 1 сентября 1773 г., т. е. в самый канун Пугачевского восстания. Едва устроившись на новом месте, он стал свидетелем событий, потрясших устои империи. Интерес, проявленный им к описанию событий восстания, выдает в Полянском человека думающего, склонного к анализу происходящих событий. Но недостаток личного опыта и знания о событиях, предшествовавших началу восстания, описанию которых, однако, уделено значительное место в его «Записках», заставляет сделать предположение, что эту информацию он мог перчерпнуть из личных бесед с более осведомленными людьми, в числе которых, весьма вероятно, мог быть и Иван Осипов. Описание непосредственной осады пугачевцами Оренбурга у Полянского и свидетельства других упоминаемых нами источников взаимно дополняют друг друга, хотя в целом последние более отрывочны. Показательно и то, что «Записки» обрываются 1773 г. Последние записи, относящиеся к концу декабря, когда положение осажденного города было весьма критическим, наглядно свидетельствуют о тяжелейших испытаниях духа, выпавших на долю жителей Оренбурга (IX, 598). Трудно сказать, почему Полянский прекратил свои записи. Возможно, он узнал что-либо подробную работу ведут П. И. Рычков, чей авторитет как ученого, так и высокопоставленного чиновника был очевиден, и И. Осипов. Но и имеющийся текст «Известия о самозванце Пугачеве» И. Полянского содержит

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, д. 7387, 7406.

²⁷ Там же, оп. 2, д. 2.

в себе индивидуальный авторский почерк. В идейном плане сочинение Полянского крайне тенденциозно: яицкие казаки для него — «воровской сброд, изменники и вероотступники»; уничтожительными эпитетами и проклятиями сопровождается каждое упоминание о них. Вместе с тем у Полянского отсутствует оценочный подход (не говоря уже о критическом осмыслении, характерном для Рычкова) к мероприятиям оренбургской администрации. Тем не менее фактические данные из воспоминаний Полянского вполне соотносятся с другими источниками об осаде Оренбурга.

Дальнейшая биография И. Полянского вполне благополучна. В 1776—1780 гг. он состоял на выборной должности «закащика» церковной утвари, в течение десяти лет назначался «благочинным» и «ученым» священником, проводившим процедуры принятия к присяге должностных лиц. В 1791 г. в ведомости о церковнослужителях о нем говорится: «Иван Степанов «Полянский», вдов, 47 лет, был сын 1 года 8 месяцев, умер 1791 г.».²⁸ Очевидно, смерть близких повлияла на решение Полянского в 1793 г. постричься в монахи. Он был переведен в распоряжение Казанского духовного правления. Но вскоре, в 1795 г., умер, будучи духовником архиерейского дома в Казани, «в надежде к пострижению в монашество».²⁹

Затронем в заключение вопрос о появлении рассмотренных источников в «пугачевском» портфеле Миллера. Логично было бы предположить, что они могли попасть туда через посредничество П. И. Рычкова, состоявшего с Миллером в оживленной переписке. Но в ней мы не находим упоминания о «Записках» И. Осипова и И. Полянского.³⁰ Рукописи «Записок» с сопроводительным письмом И. Полянского были отосланы в 1776 г. в Казань архимандриту Платону Любарскому, который был информатором Н. Н. Бантыша-Каменского (известного архивного деятеля и историка) о событиях Крестьянской войны в Казани и прилегающих губерниях. Любарский передал эти рукописи в Москву, где они поступили в состав фондов МГАМИД, а спустя более чем полвека попали к А. С. Пушкину.³¹

А. С. Светенко

²⁸ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 5986.

²⁹ Там же, д. 6684.

³⁰ Ленингр. отд-ние Архива АН СССР (ЛОА АН СССР), ф. 21 (Миллер), оп. 3, д. 237, 238 (письма П. И. Рычкова за 1770—1777 гг.).

³¹ Известен еще один список этих сочинений, исходивший от Любарского в адрес его церковного начальства: ЛОА АН СССР, Рукописи, разряд II, оп. 1, д. 122, л. 194—219, 220—254 об.

ЕЩЕ РАЗ О РЕМАРКЕ «НАРОД БЕЗМОЛВСТВУЕТ»

Изучая заключительную ремарку «Бориса Годунова», исследователи указывали разные ее источники: изречение Мирабо,¹ «Историю государ-

¹ Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 221—252.